

Николай Тычинский

Окончил Куйбышевский авиационный институт им. С. П. Королёва (Самарский государственный аэрокосмический университет) по специальности «Летательные аппараты». Работал в космической отрасли. Преподавал в The Open University. В настоящее время живет в поселке Лесном Бийского района. Сочинительством занимается со студенческих лет. Победитель всероссийского литературного конкурса им. И. Д. Рождественского (лауреат 1 степени) в номинации «Малая проза» (2021). Автор книг прозы «Над облаками всегда ясно. Афоризмы» (2012), «Мелодия открытого окна. Сказки для взрослых и взрослеющих» (2014), «Рассказы не про все» (2020).

ВЫЛЕТ НА ХАРЬКОВ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ

На звонок не ответил, хотя не спал. Он понятия не имел, кто бы мог ему звонить в два часа ночи. Воспринимал это отстраненно, как будто звонили не ему. Когда телефон наконец замолк, стало понятно, что не уснет, но вставать все равно не стал. Утром он вспомнил про ночной звонок, когда уже собирался выходить из дома. Пропущенных было три и все от брата. Брат звонил редко, тем более ночью...

— Привет. Пропустил, не слышал, извини. Случилось что?..

— Зачем тебе вообще телефон, если не отвечаешь? Мама...

— Что?

— Вова... Всё, Вова.

— Ты чего?

— Вчера вечером, ночью уже. Соседка позвонила, что плохо ей стало, она скорую вызвала. Пока доехал, ей уже совсем худо, но в сознании была. Скорая ничего не смогла. Всё так быстро. Она и сказать ничего не успела, только посмотрела на меня. Потом глаза закрыла. Я думал, что задремала...

— Сразу что не звонил? Сразу. Сразу надо было.

— Сразу и звонил. У тебя уже ночь. Плюс три.

— Сердце?

— Да. Еще утром нормально было. Никак не пойму еще... Вылети, брат. Когда сможешь?

— Через Москву придется. Не знаю, как там с рейсами. Сообщи сразу, как ясность будет. Юра, сейчас что-то надо? Деньги?

— Не надо. Сам давай.

— Получается, что завтра... надо уже...

— Завтра.

— Делай все, что надо, я успею.

— А если не будешь успевать, задержать?

— Должен успеть.

— Ладно, давай, Вова. Вот так.

— Держись.

Он смотрел на телефон и не помнил, что нужно нажать, чтобы его выключить. Надо было выяснять, как быстрее вылететь, но не получалось собраться с мыслями. Сидел на краю дивана и смотрел в окно. Видел только ветку со снегом и серое небо.

До Москвы нужно лететь через Екатеринбург, других рейсов на сегодня не было. От Москвы до Харькова вариантов было несколько, но он боялся бронировать какой-то из рейсов сразу, за день все могло измениться. Он достал из шкафа загранпаспорт, проверил погоду в Екатеринбурге и в Москве — аэропорты принимали. В Ноябрьске слегка мело. До вылета оставалось четыре часа. На работу позвонил, предупредил. Голова по-прежнему работала отстраненно, он словно со стороны наблюдал за собой.

В аэропорт ехать было рано, и он решил сходить в магазин, чтобы купить подарки. Он всегда покупал подарки, когда ехал домой, к матери. Маме, брату, его жене, двум племянникам, и еще Юркиной теще Виктории Павловне, что жила с ними. И теперь первым делом представил, что бы подарить маме в этот раз...

Когда шел по широкому холлу торгового центра, среди блеска стекла и зеркал на глаза попала церковная лавка. Раньше он не замечал ее здесь. У стенки витрины разглядел икону святой Ольги. Точно такая же, но только маленькая, без оклада и рамки, стояла на книжной полке у мамы. Эта же была в добротной раме со стеклом. Он всматривался в лик на иконе. Святая Ольга совсем не походила на его мать, но глаза ее смотрели в него с болью и состраданием. К горлу подкатил комок. Купленную икону он тщательно завернул в шарф и спрятал в портфель.

— Юр, давай, пока не поздно, все-таки на послезавтра перенесем. Третий день ведь будет практически послезавтра, раз... почти же ночью. Можно будет?

— Я же предлагал тебе, спрашивал.

— Погода подвести может, понимаешь? Давай подстрахуемся.

— Хорошо. Сделаем послезавтра. Сейчас ты где?

— У себя все еще, на два часа задержали вылет. Лечу в Москву, там по обстоятельствам.

— Ясно. Давай, Вовка, старайся уже как-то.

В сумерках самолет, словно ползком, выбирался сквозь лабиринт сугробов на взлетную полосу, моторы не сразу, а с растяжкой, один за другим, стали добавлять обороты, и он, винтовой, старый, наконец, стал разгоняться. Когда самолет оторвался от бетонки, его начало швырять, но для Владимира главным было то, что теперь он летел.

В Екатеринбурге пересадка была недолгой. Аккуратный «Аэробас» совсем не походил на советский «Ту-154», но отчего-то запомнил именно его.

Первый раз в своей жизни Вовка летел именно на «Ту-154», огромном, как той ночью ему показалось перед трапом. С мамой и братом Юркой — из Харькова в Москву. Мама держала его

за руку, переживая, что он испугается. За Юрку не волновалась, а за него переживала. Он тогда ее руку убрал и сказал, что ему не страшно, перед взлетом мама снова взяла за руку, и он уже не вырывался. Вовке было интересно, но сильно хотелось спать, и он боялся заснуть, пропустить момент взлета. Взлет ему понравился. Самолет тогда трясся, как в лихорадке, пока бежал по полосе, а потом вдруг сразу успокоился и плавно взмыл в небо. Сколько же тогда ему было? Наверное, пять. Но помнит он все подробно, отчетливо. А Юрка тогда проспал взлет, ему было неинтересно. Теперь полеты стали другими. Немного задремал...

Во Внуково ощутил нестерпимое желание взять билет на ближайший рейс, хоть куда-нибудь, лишь бы двигаться дальше. Чувствовалось приближение утра. Он заставил себя обстоятельно выбирать варианты через Интернет. На Минск билетов не было. Пришлось выбирать между двумя пересадками в Питере плюс в Варшаве или через Вену. По времени получалось, что через Питер быстрее, но еще две пересадки его пугали, застрять можно где угодно. Оплатил билет через Вену и ждал вылета. В Вене он не бывал. Интересно, что бы сказала на это мама?.. Что он запросто выбирает между Варшавой и Веной? Наверное, ей бы больше понравилась Вена... Она любила Шуберта и Моцарта. Первым почему-то на ум пришел Шуберт; вспомнил, как они вдвоем ходили на концерт в филармонию на Шуберта. Он тогда учился в музыкальной школе — кажется, в третьем классе. А в четвертом он музыкалку бросил...

— Похороны послезавтра, вернее, теперь уже завтра, в одиннадцатый.

— Через Вену лечу. Буду утром.

— Хорошо. У нас все готово. Поминки заказали. Недалеко от дома.

— В «Парме»?

— Нет, ты это место не знаешь. На углу Московского и Григоровича.

— В общем-то, какая разница.

— Вовк, торопись.

— Юра, зачем ты это мне говоришь?

- Она вчера еще про тебя спрашивала.
- Что спрашивала?
- Спрашивала, не звонил ли ты.

Немного поспал в неудобном кресле в углу зала на втором этаже. Он подумал, что эти кресла специально проектировали, чтобы люди не могли в них спать и прозевать свои вылеты или прилеты. Кто-то ведь ждет и прилеты. Он всегда ждал только вылеты.

В аэропорту продавали лишь пиво. Пиво было кислым, он не стал допивать. Хотелось на воздух, наружу. Оказалось: на улице метель. Хлесткий ветер бил в лицо. Снег летел параллельно земле, словно не с неба падал, а наоборот — выдувался из земли. За снежными штрихами непроглядно чернело небо.

Регистрацию на рейс все не начинали, хотя до вылета оставалось часа полтора. В справочную не пошел, а снова открыл компьютер. Вылет задерживали на час. «Пока на час», — сказал он себе. И вылет действительно задержали до вечера, но на самолет из Вены на Харьков он еще успевал.

Вена встретила легким морозцем, почти как в Сибири. Было еще темно, вдали пылали огни огромного города. Он подошел к большому монитору в зале транзита. Рейса на Харьков почему-то там не оказалось. Ноутбук не хотел подключаться к Wi-Fi аэропорта, не получалось выйти в интернет. Телефон тоже капризничал — наверное, возникли проблемы с роумингом. У девушки за стойкой на забытом английском спросил про рейс. Она никак не могла понять название города, дважды переспрашивала и потом, когда, наконец, нашла рейс, сама коверкала его название так, что теперь он едва ее понял. Вылет задерживался неприбытием самолета.

- Вов, ты где сейчас? Опять не могу дозвониться до тебя.
- В Вене. Вылет задерживают ненадолго, правда. А позвонить тебе почему-то не получается, с телефоном что-то. Как там у вас?
- Да как... Приходят люди. Немного. Тебя ждем. Знаешь, Вовк, боюсь, не успеешь ты, и переносить больше нельзя.
- Скоро вылет.

— Погода у нас меняется. Хорошо бы, чтобы аэропорт не закрыли.

— Ну вот...

Ожидание в Вене стало самым мучительным. Ничего не хотелось, только быстрее покинуть чужую землю и лететь в Харьков. Теперь его город казался ему особенно далеким. Он не помнил его современным, каким он его видел еще пару лет назад, а представлял его давним: светлым и праздничным городом своего детства. Он снова задремал и вздрогнул, когда услышал объявление на посадку. Уже совсем рассвело. Начинался серый, холодный декабрьский день. Из самолета, как опустился в кресло, хотел позвонить Юрке, но телефон оказался разряженным. До похорон оставалось два с половиной часа. Пристегнутый ремень крепко держал его, когда он наклонялся вперед. Именно в этом неудобном положении, вися на ремне и упираясь головой в кресло перед собой, он почувствовал себя легче.

— Цель прибытия? — пограничник такой же, как в Москве, но другой, чужой, смотрел на него укоризненно.

— На похороны... Мать хороню, — он был спокоен.

— Гражданин России?

— Да. Вы же видите паспорт, в чем дело?

— Проходите.

Он долго, словно преодолевая незримые барьеры и путаясь в невидимом лабиринте, выбирался к стоянке такси. В машине спросил у таксиста зарядку для телефона. Зарядка не подошла. Таксист говорил на украинском и, словно в насмешку растягивая слова, предложил ему свой телефон, но Владимир не знал на память номера брата. Уже час как похороны должны начаться.

— Слушай, земляк, давай сразу на Безлюдовское кладбище. Опаздываю.

— Який ж ты, братку! Доидемо, ни бийся. Ховаешь кого?

— Мать, — отчего-то таксист его раздражал.

Долго выбирались на трассу. Все казалось ему чужим, незнакомым. От аэропорта до кладбища было недалеко, он рассчитывал, что успеет. Но ехали почему-то долго, и только перед самым кладбищем он стал узнавать дорогу. Снега почти не было, только чуть поля припорошило. Многие деревья еще в листве. У ворот кладбища увидел несколько автобусов. Побежал из машины к конторе и забыл сумку в такси, пришлось вернуться. Потом, словно запертый в загон зверь, он метался в здании администрации кладбища, разыскивая кого-нибудь полезного. Наконец узнал про место, где сегодня похоронили маму.

Могилу он увидел сразу, как только вышел на нужную аллею — глинисто-песчаный холмик, усыпанный цветами. Цветы были живые, словно только что срезали. Красные гвоздики и белые хризантемы. Она любила хризантемы. У основания деревянного креста, опираясь на комок глины, стоял портрет в узкой рамке. Мама чуть улыбалась и смотрела на него без обиды, как будто жалея. Он помнил эту фотографию, сделанную несколько лет назад, она ему нравилась, но сейчас выглядела совсем иначе: мама на ней была моложе и чуточку грустнее. Глина на могиле показалась ему теплой, и даже комья с вкраплениями снега не холодили руки. Торопиться было некуда. Он сел рядом с могилой на землю. Было пусто, больно, но от чего-то хорошо.

Он поехал на квартиру в дом матери, в их дом. Он даже не подумал, что там может никого не быть, что надо ехать к брату.

Его ждали.

— Знал, что сюда поедешь. Вот мы тут все и собрались. Только что с поминок.

— Телефон сел, — он держал брата в объятиях.

— Это я догадался. На кладбище был? Нашел? — Юрка всхлипнул.

— Нашел, да. Опоздал, похоже, на чуть-чуть совсем... Песок еще ссыпался... Нельзя было немного еще потянуть, а, Юрка? Со всем малость?

— Я тянул, правда, как можно было, — Юрка отстранился и смотрел в глаза. — Брат, хорошо, что ты здесь.

— Хорошо было бы, если бы не так оно все. Совсем не так.

Они прошли в комнату, где собралась Юркина семья: жена, сыновья и Виктория Павловна. Они молча смотрели на него, а он смотрел на них поочередно и тоже молчал. На столе большая фотография матери, а рядом в стакане с крупной торчала потушенная свеча. Виктория Юрьевна с дочерью ушли на кухню. Вовка сел за стол на старый скрипучий стул. Кресло матери рядом с книжными полками никто не занимал.

Сидели долго, говорили, смотрели старые фотографии, где мама и они с Юркой.

Договорились, что утром вместе поедут на кладбище. Юрка со своими уехали уже поздно вечером.

Оставшись один, он выключил свет, растянулся на диване, не раздеваясь, и скоро крепко заснул. Он всегда крепко спал в родном доме.

Утром он стоял на пороге маминой комнаты, отчего-то не решаясь войти. Кровать была аккуратно заправлена чужими руками и подушки прикрыты прозрачным покрывалом. Наконец он прошел к старому шифоньеру достать свою одежду, он знал, где ее держала мама. Взял старую рубашку, она пахла свежим снегом. Потом мылся в душе, и теперь ему казалось все непривычным, словно он был в чужой, другой квартире. Из ванной почудилось, что там, в комнате, кто-то есть, ходит и перебирает вещи. Он пил в одиночестве чай на кухне и прислушивался к тишине. Теперь Вовка пожалел, что остался здесь, а не поехал ночевать к брату. Брат заехал только в десять.

— Побудешь еще? На девять дней...

— Три дня, больше не смогу, на работу надо.

— Ты в Украине-то сколько, два года или уже больше не был?

— Два, да, чуть больше. Раньше ты говорил: «На Украине».

— Все теперь так говорят, давно уже.

— Но мама же так не говорила?

— Не знаю, не обращал внимания.

— Как живете?

— Да ничего, знаешь, налаживается все потихоньку.

— Машину, смотри, поменял. Новая.

— Новая, полгода еще нет, — Юрка довольно улыбнулся.

— А я вот все никак не соберусь, тоже пора менять. Цены сейчас прыгнули — страшное дело.

— Слушай, Вовк. Мы вчера, пока тебя ждали, сидели, разговаривали. Может, ты домой вернешься?

— Куда домой? В смысле сюда? Дом-то у меня давно не здесь.

— Сюда, в Харьков. Мамину квартиру возьмешь. Мы решили, что тебе ее отдать надо. Мама бы рада была, я думаю. Она, правда, ничего такого не говорила, ни о каких там завещаниях вообще речи ни разу не заходило. Но думаю, что так будет правильно.

— Ты что, Юрк? Я вообще не собирался на Украину возвращаться. Уже почти тридцать лет в России. Все там: и работа, и вообще... Хоть и не получилось у меня пока с семьей, но все там. Даже к своему городишку привык. Нет, брат, не думай. А квартира вам самим нужна. У тебя два парня скоро оперятся. Да и живешь с тещей.

— У меня нормальная теща, уживаемся. Но ты подумай, ладно?

— Тут, Юра, и думать нечего.

— Ты действительно обрусел совсем?

— Ага, москалем еще меня назови. А ты хохлом стал?

— Украинцем, Вова, украинцем. Да и был, наверно.

— Ну чего ты несешь, а? Хорошо, мать ерунду эту не слышит.

— Почему ерунду-то?

— Знаешь, вдруг вспомнилось, как мама уроки свои по русской литературе вела. Она все старалась, чтобы было не заметно, что я ее сын. Отвечать вызывала и тоже, как всех, на «вы».

— Я не замечал. Кажется, что меня она на «ты» и на уроках звала. Вообще, меня редко спрашивала, не помню даже. Оценки были за сочинения.

Над кладбищем пролетела галдящая стая ворон. От их крика показалось, что где-то в глубине огромного пространства что-то происходит. Но там было пусто, и скоро стало совершенно

тихо. Юрка установил под крестом перед фотографией лампадку и зажег огонек. Стояли молча, но потом захотелось чем-то занять себя и они начали разравнивать землю на могиле, разбивать комки глины.

— Лопату надо было взять.

— Вовк, подумал сейчас. А мы помрем — нас где? Вернее, со мной-то понятно: сюда, рядом. А ты? Тебя? Ты где бы хотел?

— Не знаю. — Вовка оглянулся на брата. Юрка стоял, опустив руки, и смотрел на фотографию. Казался он постаревшим. Сейчас его младший брат походил на мать. Наверное, позой вытянувшегося солдата с опущенной головой. Раньше в нем материнского он не замечал.

— Наверное, если это скоро, вдруг, то... сюда же. А если проживу еще долго, то видно будет. Может, у меня к тому времени будет семейство больше твоего. Вот тогда и решат. За меня.

— Ты бы хотел, чтобы за тебя решил кто-то?

— Не кто-то, а близкие. Не знаю. Ни о чем разговор, давай прекратим.

— Как скажешь. Но я про это уже не первый раз думаю. Про себя, не про тебя.

— Не торопись, братишка.

Два следующих дня Владимир прожил у брата, и только уже по пути в аэропорт они заехали в дом матери. Там было еще пустее, словно никто не жил в этой квартире давным-давно. Даже показалось, что на всем лежит серая пыль, но пыли не было. Он снял с книжной полки маленькую иконку святой Ольги и положил в карман, а вместо нее поставил новую, что привез из Ноябрьска, она так и лежала в портфеле все это время.

Провожала его вся Юркина семья. Молчали. Племянники, как нахохлившиеся воробьи, держались рядом с матерью, а Виктория Павловна заплакала на его плече. Он пообещал, что летом обязательно приедет. Когда шел от них в зал досмотра, еще раз повторил себе: «Обязательно...»

Скоро объявили посадку на Минск. Назад он летел через Белоруссию. Рейс не задерживали.